

С кинорежиссером и актером Андреем И мы беседовали в его оригинально обставленной квартире. Здесь не было ни одного стула. Мы сели на коврик перед низким столом с отпиленными ножками. На нем стояла огромная миска с дымящимися пельменями, салат из черемши, блюдецко с нарезанным лимоном, водка, шампанское, минералка. И потек неспешный разговор.

Судьба у Андрея необычная. Родился в Маньчжурии в семье советского офицера, владевшего восточными боевыми видами борьбы. С раннего детства воспитывался в рамках жесткой системы мэнчу-до, стал мастером, получил четвертый дан. На флоте служил в суперсекретных частях подводных боевых пловцов. Затем много лет руководил водолазными работами ряда экспедиций, которые искали сокровища затонувших кораблей, работал каскадером. В конце 80-х резко изменил судьбу - окончил ВГИК и стал снимать необычные, не укладывающиеся в рамки привычного фильма.

Первая же работа Андрея в кинематографе - «Конструктор красного цвета» - стала лидером по количеству откликов в прессе. Другой фильм Андрея И «Научная секция пилотов», раскрывающий проблемы политического терроризма с применением психотронного оружия, на кинофестивале в Доме Ханжонкова завоевал высший приз - «Золотую Нику».

- Андрей, начнем с того, что мэнчу-до, как известно, это не просто борьба, а образ жизни, философия, мировоззрение... Как это вошло в тебя?

- Отец владел искусством мэнчу-до. Всю сознательную жизнь он прослужил в Советской армии, всюду меня возил за собой и воспитывал в спартанской атмосфере. Он и вдохнул в меня восточный менталитет, обучил маньчжурскому единоборству.

- А что означает столь живописный рисунок на твоём теле? Ошибки молодости или это серьезно?

- Серьезней не бывает. Это традиционная боевая раскраска, характерная для бойцов мэнчу-до. Каждого, кто занимается этим видом борьбы, можно по ней отличить. Если хочешь, она - одна из важных составляющих мэнчу-до и органично вписывается в ее философию...

- В подразделение подводных боевых пловцов тебя призвали именно потому, что ты уже тогда мастерски владел мэнчу-до?

- В общем, да.

- С чего вдруг подводный ди-

версант потянулся в кинематограф?

- Не вдруг. Работая в экспедициях, я параллельно учился в Московском авиационном институте. Специализация была необычной - то, что сейчас называют психотроникой. Отношение тогда к этому было настороженное и непонятное. Тем не менее, забегая вперед, скажу, что те годы не прошли даром. В первом же фильме «Конструктор красного цвета» речь пошла об экспериментах в

Андрей И:

НЕ ЖЕНИТЕСЬ НА ЮНЫХ ДЕВЧОНКАХ

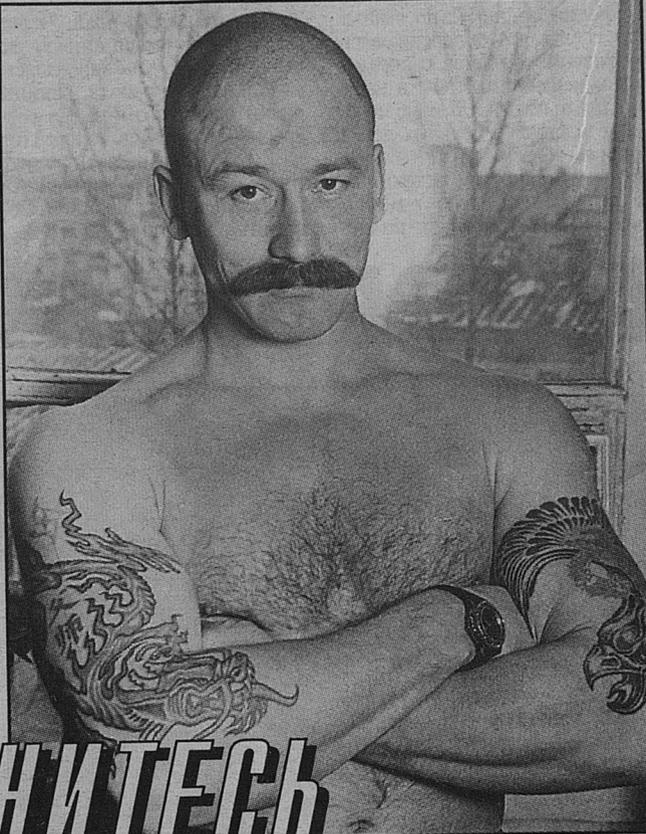
области психотроники применительно к военному делу, увидели свет ранее засекреченные документальные кадры.

- Тема психотронного оружия как средства дистанционного воздействия на психику человека вообще сегодня покрыта мраком и обсуждается на все лады то в одних, то в других СМИ.

- Ну если верить некоторым публикациям, то у нас в стране, по некоторым данным, производство основного вида этого оружия, торсионных генераторов, достигло тысячи штук в год. Пишут, что образцы психотронного оружия сегодня даже можно встретить на прилавках магазинов. Правда, предназначены они для борьбы с крысами.

- А как тебе удалось пробиться к засекреченным материалам? Где ты их взял?

- Не хотел бы отвечать на этот вопрос, да и не в этом дело. После окончания МАИ я не стал заниматься специальностью, а перепробовал несколько интересных профессий - и лесником был, и служащим музея, а потом пригласили в экспедиции, одну за другой. Вот

Р. ПРЯНОВ

там я впервые и столкнулся с кинематографом, правда, специализированным. Помогал операторам делать подводные съемки. Увлёкся, накопил фотоаппаратов. Стал даже репортером журналов «Голос Родины» и «Отчизна». Сейчас уже не помню как, но именно с ними сложились хорошие отношения, и я для них делал фоторепортажи, в том числе подводные. Позже снимал для телевидения. Опять увлекся. Пошел на профессиональную студию осветителем, затем был ассистентом оператора, оператором, поступил во ВГИК.

Еще когда учился, стал главным режиссером студии рекламных фильмов. Это тогда было о-го-го - поездки за рубеж и прочее. Но я, кстати, нигде не ездил, а наоборот, закусил удила и старался в своих рекламных роликах проявить что-то свое, российское. Ну и в конце концов пришло время, когда понял, что готов заняться серьезным игровым кино.

- Оба твоих фильма - острозаметные, по-своему страшные, некоторые усматривают в них западный стиль, хотя скорее это

кинематографическое осмысление нового для нашего экрана материала. Почему именно темы терроризма, психотронного оружия стали для тебя главными?

- Первый и второй фильмы, хотя оба о психотронном оружии, не похожи друг на друга. В них совершенно разный подход к раскрытию проблемы. Скажу честно, «Конструктор красного цвета» - чисто фестивальная картина, она нужна была мне просто для, скажем так, карьеры, для громкой заявки о себе. Так и произошло. Фильм нашумел и в профессиональных кругах сделал то, что мне было на тот момент необходимо. А вторая моя киноработа - уже более серьезно, это из души и от разума. Там и актеры известные, традиционно любимые. Ничего в фильме прозападного, кстати, нет. Просто, хотя и не совсем скромно так говорить, он сделан кинематографически качественно, как это делается в лучшем - не массовом, а именно в лучшем - западном кино. Лента выглядит красочно, богато, там много постановочных трюков, есть на что посмотреть и где ахнуть.

- Чем занимаешься сегодня?

- В отношении большого кино, мне кажется, кого бы ни спросить из действующих режиссеров, каждый ответит, что не понимает, как в нынешних финансовых условиях можно хоть что-то снимать. Но снимают. Где-то ищут и находят средства! Каждый выживает в одиночку. Многие обращаются к телевидению. Стоит вспомнить, как латиноамериканские сериалы «завели» наших телезрителей. И масса обывателей настроена как бы на сериальность. Возникла высокая потребность в сериалах, в том числе документальных. В связи с этим мне повезло участвовать в нескольких телепроектах. Один из них - масштабнейший телесериал «Российская армия: XX век». Это сто серий, посвященных истории Российской армии. Министр обороны к этому проекту отнесся заинтересованно, зато в армейских инстанциях более низкого уровня никто ничего не хотел знать. Мы столько сил с ними потеряли, что решили снимать самостоятельно, без их помощи и информационной поддержки. Это оказалось настолько трудным делом, что проект завис. Зато очень интересно работало с программой о русском экстриме.

Что касается кино, то надеюсь на продолжение фильма «Научная секция пилотов». Там заявлены три героя (это как новые «Знатоки») - представители современного спецназа. Их судьбы и характеры требуют дальнейшего развития. Хочется надеяться, что история с ними будет продолжаться, весь вопрос в финансах.

- Большинство современных фильмов наталкивают на мысль о потакании их постановщиков примитивному вкусу обывателя. А ведь, пожалуй, задача любого жанра искусства хотя бы чуточку приподнимать планку общественной нравственности. Возможно ли такое в рыночных условиях?

- Насчет планки совершенно согласен. В условиях рынка, к сожалению, приходится делать так. Один фильм ты снимаешь только для денег, где, конечно, потакаешь всему, лишь бы угодить массовому зрителю. Другой снимаешь, получив эти деньги, для души и для нравственного излечения общества. Приходится жить в реальном мире.

- Вот вы, режиссеры, снимаете фильмы, вкладываете в них душу, а ведь их мало кто смотрит, так как кинотеатры пустуют, массовый зритель в них не идет, пресытился западными поделками, да и российской «чернухой».

Зачем же тогда вы куда-то карабкаетесь, на что-то надеетесь?

- Да, система кинопроката с середины 80-х годов разрушена. Но уже наметилось оживление. Налажен видеопрокат, позитивные процессы крепнут и в кинопрокате. Верю, что кинотеатры скоро заполнятся. Народ уже устал от западного кинематографа, накушался его. Ему подавай свой. А настоящего российского почти нет, поэтому-то такая ностальгия по ретрокино. Многие фирмы только и живут за счет показа нашего старого кино.

- А кроме кинематографа чем еще живешь?

- Во-первых, конечно, занимаюсь мэнчу-до. Во-вторых, являюсь председателем оргкомитета ежегодного Международного детского фестиваля рисунка на асфальте под общим названием «Дорога к Пушкину». Он проводится в Пушкинских Горах. Туда приезжают дети в основном из детдомов и интернатов, путешествуют по пушкинским местам. Потом в центре города улица перекрывается, и дети рисуют на асфальте сюжеты на темы произведений поэта. Победителям вручаются туристические путевки.

- Извини, личный вопрос. Рассказывают, у тебя юная жена, на 20 лет моложе?

- С Таней мы познакомились во время фестиваля детского рисунка. Она родом из Михайловского. Участвовала в нашем пушкинском фестивале. Я был в жюри. Мы как только увидели друг друга - сразу влюбились. В тот же год поженились. Это было непросто. Я добивался, как сейчас говорят, эксклюзивного разрешения, поскольку ей тогда только исполнилось 15 лет.

- А как же учеба?

- Она перешла в московскую школу по месту моего жительства. Частенько ездила со мной в творческие командировки, пропускала занятия. Потом на верстала. Жили мы в моей двухкомнатной квартире в восьмом: кот, кошка и четыре огромных мадагаскарских таракана в специальной банке. Они остались после съемок фильма «Научная секция пилотов», где играли роль мутантов.

Увы, не так давно все расстроилось. Так что не советую никому брать в жены слишком юную девушку. Видимо, это естественно. Ты делом занят, а ей хочется кукол, развлечений, игр. Отпустил я Таню. Пусть ищет свое счастье с более соответствующим ей по возрасту человеком. Вместе с ней ушли кошка с котом. Остались лишь тараканы. С ними и живу.

Беседу вел
Сергей Турченко